

ЗАПАДНАЯ «ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» И КИТАЙСКАЯ «НЕОГРАНИЧЕННАЯ ВОЙНА»: ПОЯВЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Аннотация. Авторами, которые ввели термин «гибридная война» в научный оборот в 1990-х годах, были американские военные специалисты. Концепция гибридной войны является результатом длительной эволюции военной теории и практики. Одной из базовых теорий, на которой основывается данная концепция, является неограниченная война, отражающая видение китайскими военными современных войн и способов их ведения. Фрэнк Г. Хоффман, американский классик теории гибридных угроз, был знаком с китайским подходом и неоднократно упоминал работу «Неограниченная война», авторами которой являются офицеры Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Цяо Лян и Ван Сянсуй. В отечественной политической науке китайский подход не привлек такого интереса исследователей, как западный, однако его понимание не менее важно для осознания гибридных угроз и обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: гибридная война, неограниченная война, национальная безопасность, современные конфликты, гибридные угрозы.

WESTERN «HYBRID WARFARE» AND CHINESE «UNRESTRICTED WARFARE»: THE EMERGENCE, THE CONTENT AND THE CORRELATION OF THE CONCEPTS

Annotation. American military experts were the authors who introduced the term «hybrid warfare» into scientific circulation in the 1990s. The concept of hybrid warfare is the result of a long evolution of military theory and practice. One of the basic theories on which this concept is based is unrestricted warfare, which reflects the Chinese military's vision of modern wars and how to wage them. Frank G. Hoffman, an American classic of hybrid threat theory, was familiar with the Chinese approach and repeatedly referred to the work «Unrestricted warfare» by PLA officers Qiao Liang and Wang Xiangsui. In domestic political science, this approach has not attracted such interest from researchers as Western ones, but understanding the Chinese concept is no less important for understanding hybrid threats and ensuring Russian national security.

Keywords: hybrid warfare, unrestricted warfare, national security, modern conflicts, hybrid threats.

Термин «гибридная война» уже стал привычным: сегодня его употребляют не только ученые и военные специалисты, но и политики для описания окружающей действительности [3; 10; 11]. Такое название современной форме международных конфликтов было присвоено американцами в конце XX — начале XXI веков. Существует не одна версия о том, кто первым публично озвучил данный термин. Некоторые исследователи считают таковым Тома Мокайтиса [16; 39; 42], другие — Уильяма Дж. Немета [2; 19; 33], но большинство сходится во мнении, что именно Фрэнк Г. Хоффман стал «отцом-основателем» концепции «гибридной войны» и закрепил сам термин, дав ему определение и охарактеризовав ключевые черты нового типа угрозы [1; 9; 13; 14].

* * *

Американский военный историк Том Мокайтис использовал термин «гибридная война» в своей работе 1995 года для описания событий индонезийско-малайзийской конфронтации 1960-х годов. Мокайтис отмечал, что в ходе конфликта применялось сочетание традиционных военных и невоенных методов ведения боевых действий: подразделения Особой воздушной службы, пограничные разведчики (Border Scouts) и новые технологии (вертолеты). Исходя из данных обстоятельств он охарактеризовал тот вооруженный конфликт как «гибридную войну» [37, с. 16, 142].

В 2002 году Уильям Дж. Немец писал, что контртеррористические операции на территории Северо-Кавказского региона имели гибридный характер. Чеченские бандформирования применяли не только военные средства, но и проводили психологические и информационные операции [38, с. 57–59], использовали тактику партизанской войны, вовлекали гражданских лиц, обращались к религии для укрепления боевого духа и получения поддержки извне и от местного населения, убивали и похищали людей, привлекали зарубежных террористов в свои ряды, добывали и продавали полезные ископаемые [38, с. 61–62]. Немец в своей работе не уделяет должного внимания роли иностранных наемников, прибывших в республику, причинам появления международных террористических формирований, источникам финансирования их противоправной деятельности. Он пишет: «Однако, за исключением Хаттаба и небольшого отряда вокруг него, иностранные боевики представляются довольно незначительной частью повстанческого движения» [38, с. 62]. Штаб объединенной группировки сил на Северном Кавказе на протяжении всей кампании сообщал об уничтожении хорошо вооруженных и подготовленных наемников из 52 стран: Саудовской Аравии, Турции, Пакистана, Иордании, Йемена [4; 6; 15, с. 46] так далее. Факты получения боевиками денег от зарубежных спонсоров и общественных организаций подтверждаются многими отечественными и зарубежными

специалистами [5; 12, с. 95–196; 18, с. 55]. Также Немет использует слова «чеченцы»/«Чечня» и «русские» для описания акторов, что некорректно: не все боевики имели чеченское происхождение, не все уроженцы Чеченской Республики принимали участие в боевых действиях, федеральные войска не состояли целиком из этнических русских. С этим упрощенческим, но плотно засевшим в головах многих пониманием ситуации уже не одно десятилетие борется российская власть и чеченский народ [7; 8]. Таким образом, взгляд американского исследователя на события в Чечне является односторонним. Немет делает вывод о том, что сочетание разнообразных средств ведения боевых действий позволяет говорить о новой парадигме ведения войны, то есть о «гибридной войне».

Ф.Г. Хоффман — офицер американской армии в отставке, военный аналитик и консультант по вопросам национальной безопасности [20]. Он является автором ряда работ, посвященных изменениям в области военной теории и практики, вызванных появлением новых типов войн [24; 25; 28; 41]. Рассмотрим некоторые из них, ставшие основой для формирования концепции «гибридной войны».

В 2005 году появилась совместная работа Фрэнка Хоффмана и Джеймса Нормана Мэттиса, генерала морской пехоты ВС США. В ней авторы выступают за сохранение традиционных боевых возможностей для ведения классической войны, но также подчеркивают, что будущие конфликты включают в себя в себя и терроризм, повстанческие движения, неограниченную войну, партизанские операции. «Мы сталкиваемся ... с комбинацией новых подходов — слиянием различных способов и средств ведения войны. Этот беспрецедентный синтез мы называем гибридной войной» [36, с. 18], — пишут они. Новые войны невозможно будет выиграть, опираясь лишь на технологии и материальную базу, так как теперь психологические и информационные операции становятся в один ряд с военными сражениями. В таких войнах могут успешно воевать хорошо обученные экспедиционные силы. Корпус морской пехоты США, по мнению специалистов, мог бы стать передовым и эффективным в современной обстановке подразделением, так как он может оперативно реагировать на угрозы разного характера. Морские пехотинцы — наиболее подходящие подразделения для таких войн, должны также обладать высоким уровнем культурной осведомленности, поэтому уделяется внимание изучению иностранных языков и культур. За кадровыми офицерами Корпуса морской пехоты США предлагается закреплять регион или район вдоль «дуги нестабильности», чтобы военные могли действовать эффективно, учитывая не только технологические и военные возможности соперника, но и географические, культурные и исторические особенности.

В статье, опубликованной в 2006 году, Хоффман оценивает готовность США к новым «нерегулярным» войнам. Он считает, что появление такой

формы конфликтного взаимодействия вызвано глобализацией и военным превосходством Америки: противники не могут соперничать на равных, поэтому будут прибегать к использованию нетрадиционных средств и методов ведения борьбы [22, с. 396]. Рассуждая о необходимости модернизации американской военной стратегии и вооруженных сил, автор в качестве примера удачного и своевременного решения приводит создание в 1995 году лаборатории морской пехоты (Marine Corps Warfighting Laboratory – MCWL) «для экспериментов в самых разных областях» [32, с. 25], – от разработки стратегии авиационной поддержки при наступлении морской пехоты США [21] до анализа первой чеченской кампании [30].

В работе 2007 года Хоффман фиксирует «возобновившийся интерес Пентагона к нерегулярным войнам» [26, с. 57]: «Штаты перейдут от своих обычных формирований к нерегулярным и будут использовать новую тактику» [26, с. 58]. Соперники теперь не руководствуются никакими правилами и нормами, действуют непредсказуемо и асимметрично. Автор отмечает, что американским военным необходимо не только профессиональное военное образование, но и развитые когнитивные способности, позволяющие быстро распознавать неизвестное и адаптироваться; расширения и развития также требует исследовательская база будущих угроз и стратегий противника.

В книге «Конфликт в XXI веке: рост гибридных войн» дается определение понятию: «Гибридные войны включают в себя ряд различных способов ведения войны, в том числе военные возможности, нерегулярные формирования, террористические акты, неизбирательное насилие и принуждение, беспорядки. Эти мультимодальные действия могут проводиться одним или несколькими подразделениями, но, как правило, оперативно и тактически направляются и координируются в рамках единого боевого пространства для достижения синергетического эффекта» [23, с. 14]. Нет четкой границы между солдатами и гражданскими лицами, размывается само понятие «война», перестает существовать четко обозначенная конкретная территория/фронт, где ведутся сражения. Гибридными становятся не только средства ведения, но и процессы организации и проведения операций в рамках современных войн. Концепция гибридной войны, по мнению Хоффмана, явилась продолжением следующих концепций: война четвертого поколения (4GW) [35], нерегулярная война [34], сетевая война [17], комбинированная война [29], подход австралийских военных [31]. Для автора наглядной иллюстрацией нового типа войны в том числе послужил анализ деятельности Хезболлы.

В четырехлетнем обзоре оборонной политики США за 2006 год, опубликованном в тот же период, что и рассмотренные статьи Ф.Г. Хоффмана, и отражающем мнение руководителей американского министерства обороны, было зафиксировано, что происходит трансформация военной стратегии: неопределенность, разнородность и многочисленность стоящих перед армией

задач, необходимость быстрых решений в ответ на асимметричные удары, растущая угроза, исходящая от негосударственных акторов и прочие тенденции вызвали ряд преобразований в военном ведомстве. Была проведена реорганизация сухопутных войск и аппарата министра обороны, укреплены силы специального назначения, проинвестированы проекты нового оборудования, технологий и платформ для вооруженных сил (например, механизированная бригада «Страйкер», прибрежные боевые корабли, перевооруженные на крылатые ракеты подводные лодки, беспилотные транспортные средства, истребители пятого поколения) [40, с. 6–10] и так далее. Примечательно, что в документе отмечается важность информационных и сетевых операций [40, с. 7–8, 50, 92].

В том обзоре Россия рассматривалась как маловероятная угроза для Штатов, а Китай, вкладывающий средства в свои вооруженные силы и наращивающий вооружение, начинает быть опасным для военного баланса в регионе. Специалисты также прогнозировали, что КНР продолжит инвестировать и развивать высокотехнологичные асимметричные военные возможности (особенно разработки в области кибернетики, космоса, баллистических и крылатых ракет, систем противовоздушной обороны, торпед нового поколения, подводных лодок, стратегических ядерных вооружений, систем наземного и морского базирования, беспилотных летательных аппаратов [40, с. 28–29].

Хоффман неоднократно упоминает термин «неограниченная война» и ссылается на одноименную работу китайских исследователей Цяо Ляна и Ван Сянсуя [22, с. 398; 23, с. 22–25; 26, с. 58; 27]. Однако отечественные ученые не уделили данному исследованию должного внимания. По мнению автора статьи, это было связано с тем, что в период публикации (1999) и его активного изучения на Западе в нашей стране у многих специалистов не было возможности заниматься исследовательской деятельностью. В тот год военные принимали участие в боевых действиях против боевиков на территории Чечни и Дагестана. Силовики предотвращали планировавшиеся теракты и расследовали случившиеся взрывы на центральном рынке Владикавказа и в жилых домах (Буйнакск, Москва, Волгодонск). Трудная политическая обстановка внутри страны (кадровые перестановки в Правительстве, попытка объявить импичмент президенту Б.Н. Ельцину, выборы в Государственную Думу III созыва, а в конце года — отставка главы государства и назначение В.В. Путина исполняющим обязанности Президента) и в мире (бомбардировки НАТО в Югославии), экономические проблемы (к тому времени страна еще не оправилась от кризиса 1998 года) не способствовали развитию науки. Поэтому военные и гражданские специалисты в области национальной обороны и безопасности не изучили китайскую концепцию так подробно, как американцы.

* * *

Еще в 1999 году была опубликована книга «Неограниченная война», авторами которой были офицеры НОАК Цяо Лян и Ван Сянсуй [34]. По сути, в ней проанализированы изменения, которые претерпели формы, методы и правила ведения войны. Лян и Сянсуй утверждали, что коренные преобразования в военном деле порождает прежде всего революция в формах и методах борьбы, а не в технологиях. Они прямо заявили: «Война будет вестись в невоенных сферах» [34, с. 169]. По мнению авторов данной концепции, можно выделить следующие отличительные особенности и характеристики современных войн:

- инициаторами военных конфликтов выступают нетрадиционные акторы (мафия, террористические группировки, наркокартели, финансисты, частные лица);

- акторы не подчиняются международному и национальному праву, не соблюдают моральные и этические нормы, не зависят от государственных границ;

- они могут скрываться и маскироваться, а атаковать открыто и жестоко;

- прямая военная угроза перестала быть главной для национальной безопасности стран;

- комбинация невоенных и военных мер является современным путем ведения войны;

- поле боя расширяется, включает в себя политику, экономику, СМИ, религию, культуру, Интернет, географические пространства, окружающую среду, космос и так далее;

- в ближайшем будущем доминировать будут следующие виды атак: хакерские, финансовые, террористические операции, компьютерные вирусы;

- в качестве ресурсов, которые можно мобилизовать и использовать наравне с оружием, теперь выступают географические факторы, исторические и культурные традиции, этническое самосознание, международные организации и другое.

Также были обозначены принципы новых (неограниченных) войн [34, с. 206]:

- всенаправленность: природные и социальные пространства теперь являются полноценными полями сражений; для ведения боевых действий привлекаются национальные и наднациональные военные силы; необходимо комбинировать не только различные виды оружия и средства борьбы, но и операции различных родов войск;

- синхронность: операции на разных пространствах («фронтах») проводятся в одном заранее обозначенном временном отрезке;

- ограниченные цели: ставятся конкретные и реально достижимые цели;

- неограниченные меры: средства и методы ограничиваются только достижением поставленной цели;
- асимметрия — удары могут наноситься с разной силой и интенсивностью, наиболее активно атакуются слабые места противника;
- минимальное потребление — боевые ресурсы должны соответствовать обозначенной цели и расходоваться рационально;
- многомерная координация — сочетание военного измерения с невоенными средствами и методами борьбы;
- корректирование и контроль всего процесса — оперативное отслеживание ситуации, получение обратной связи и своевременная доработка реализуемых операций.

* * *

Подводя итоги, автор данной статьи предлагает следующее определение: «гибридная война» — это современная форма конфликта, представляющая собой совокупность операций в различных пространствах: экономическом, информационном, психологическом, географическом, кибернетическом, геополитическом, в котором могут участвовать различные субъекты (легальные и нелегальные) с целью подчинения воли одного участника другому. Важно отметить, что все это — результат длительной эволюции более простых форм вооруженных конфликтов. Как правило, такая война имеет затяжной характер, а зафиксировать точки ее начала и конца во времени невозможно.

Таким образом, концепция «гибридной войны», разрабатывавшаяся в 1990-х годах американскими военными, имеет тесную связь с китайской концепцией «неограниченной войны», четко охарактеризовавшей основные тенденции и изменения в области ведения боевых действий. Отечественные специалисты, начавшие тщательное изучение «гибридной войны» после 2014 года, обращаются к работам американских экспертов, считая их основоположниками данной теории, однако те в свое время позаимствовали некоторые положения у китайских военных. Следовательно, китайская армия занимается исследованием данного вопроса так же долго, как и их американские коллеги, что должно быть учтено российскими специалистами и экспертами. В то время, когда американцы и китайцы изучали новые угрозы для государства и разрабатывали отвечающие современным вызовам стратегии обороны и рекомендации по укреплению национальной безопасности, в нашей стране происходили события, угрожавшие ее целостности и суверенитету, в связи с чем было упущено время и не уделено достаточного внимания теоретическим обоснованиям новых типов угроз.

Список литературы

1. Ананских И.А. и др. Западная Европа как фронт гибридной войны // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 2.
2. Бурило Е.А. «Цветные революции», как разновидность политического конфликта / Е.А. Бурило // Будущее науки — 2019: сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 25–26 апреля 2019 года. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019.
3. В Москве прошло совещание партактива КПРФ. Геннадий Зюганов: Мы должны устоять и победить // Красная линия: [сайт]. [2022] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/news/2022-04-03-v-moskve-proshlo-soveshchanie-partaktiva-kprf-gennadiy-zyuganov-my-dolzheny-ustoyat-i-pobedit/> (дата обращения: 04.03.2022).
4. Главная опора чеченских боевиков в этой военной компании — иностранные наемники // 1 канал: [сайт]. [2000] [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2000-01-17/289942-glavnaya-opora-chechenskih-boevikov_v_etoj_voennoy_kompanii_inostrannye_naemniki (дата обращения: 06.04.2022).
5. Деньги едут на войну // Коммерсантъ Власть: [сайт]. [1999] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/16149> (дата обращения: 06.04.2022).
6. Зайцев В. Наемники в Чечне // Огонек. № 11. 2011.
7. Заявление на встрече с Рамзаном Кадыровым // Президент России: [сайт]. [2004] [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22454> (дата обращения: 06.04.2022).
8. Кадыров пригрозил Эрдогану ответом за «переименование парков именами террористов» // Коммерсантъ: [сайт]. [2021] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5141683> (дата обращения: 06.04.2022).
9. Круглов В.В., Воскресенский В.Г., Мурсаметов В.Я. Анализ взглядов военных теоретиков ведущих зарубежных государств на содержание и ведение современных и будущих войн // Военная мысль. 2021. № 7.
10. Лавров: России объявили гибридную, тотальную войну // Ведомости: [сайт]. [2022] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/25/915211-rossii-obyavili-gibridnuyu-totalnuyu-voinu> (дата обращения: 04.04.2022).
11. Лукашенко: против Беларуси развернута гибридная война практически по всем направлениям // Белта: [сайт]. [2021] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-protiv-belarusi-razvernuta-gibridnaja-vojna-prakticheski-po-vsem-napravlenijam-472057-2021/> (дата обращения: 04.04.2022).
12. Пащенко И.В. Экспорт джихадизма на Северный Кавказ: к истории вопроса // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 4.
13. Пушкина М.А., Чирков П.С. Теория современных гибридных войн // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 8.
14. Фридман О. «Гибридная война» понятий // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Т. 50. № 5.

15. Ханбабаев К.М. О некоторых результатах борьбы правоохранительных органов с религиозно-политическими экстремистами и террористами на Северном Кавказе // Исламоведение. 2011. № 3.
16. Buța V., Vasile V. Perspectives on the evolution and influence of the hybrid warfare concept // Romanian Military Thinking. 2015. № 3.
17. Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // U.S. Naval Institute Proceedings. 1998. Т. 124. № 1.
18. Corbin J. The Base: In Search of Al-Qaeda, the Terror Network that Shook the World. — Simon & Schuster, 2002. 320 с.
19. Dominioni S., Tafuro Ambrosetti E. Russia's Hybrid Strategy: Myth or Reality? // Italian Institute for International Political Studies (ISPI): [сайт]. [2020] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/russias-hybrid-strategy-myth-or-reality-26805> (дата обращения: 05.04.2022).
20. Frank Hoffman // U.S. Naval Institute: [сайт] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usni.org/people/frank-hoffman> (дата обращения: 10.04.2022).
21. Grossman E.M. Warfighting lab has yet to assess concept: Marine Corps Officials Divided Over 'Hunter' Tactical Aviation Concept // Inside the Pentagon. 1996. Т. 12. № 12.
22. Hoffman F.G. Complex irregular warfare: the next revolution in military affairs // Orbis. 2006. Т. 50. № 3.
23. Hoffman F.G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. — Arlington: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. 72 с.
24. Hoffman F.G. Hybrid Warfare and Challenges/FG Hoffman // Joint Force Quarterly (JFQ). 2009. № 52.
25. Hoffman F.G., Horne G. Maneuver Warfare Science // Marine Corps Combat Development Command. 1998.
26. Hoffman F. Marines and Hybrid War // Marine Corps Gazette. 2007.
27. Hoffman F. Review Essay: History and Hybrid Warfare // Small Wars Journal: [сайт]. [2012]. [Электронный ресурс]. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/review-essay-history-and-hybrid-warfare> (дата обращения: 10.04.2022).
28. Hoffman F., Van Riper P.K. Pursuing the Real Revolution in Military Affairs: Exploiting Knowledge-Based Warfare // National Security Studies Quarterly. 1998. Т. 4. № 3.
29. Huber T.M. Compound warfare: That fatal knot. — Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute, US Army Command and General Staff College Press, 2002. 334 с.
30. Jackson T. David Slays Goliath: A Chechen Perspective on the War in Chechnya (1994–1996) // Marine Corps Warfighting Laboratory. 2000. 34 с.
31. Krause M. Square pegs for round holes: current approaches to future warfare and the need to adapt // Australian Land Warfare Studies Centre. 2007. 47 с.
32. Krulak C.C. The United States marine corps in the 21st century // The RUSI Journal. 1996. Т. 141. № 4.
33. Królikowski H. Hybrid Threats and Warfare, Are We Really Facing Something New? // Internal Security. 2017. Т. 9.
34. Liang Q., Xiangsui W. Unrestricted warfare. — Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House Arts, 1999. — FBIS Translated Text. 228 с.

35. Lind W.S., Schmitt J.F., Wilson G.I. Fourth generation warfare: Another look // Marine Corps Gazette. 2001. Т. 85. № 11.
36. Mattis J.N., Hoffman F. Future warfare: The rise of hybrid wars // Proceedings-United States Naval Institute. 2005. Т. 131. № 11.
37. Mockaitis T.R. British counterinsurgency in the post-imperial era. Manchester University Press, 1995. 165 с.
38. Nemeth W.J. Future war and Chechnya: a case for hybrid warfare: дис. // Naval Postgraduate School. 2002. 100 с.
39. Popescu N. Hybrid tactics: Russia and the West // European Union Institute for Security Studies, Alert. 2015. Т. 46. № 46.
40. Quadrennial Defense Review Report // U.S. Department of Defense. 2006. 113 с.
41. Schmide R.E., Hoffman F.G. Commanding the contested zones// Proceedings-United States Naval Institute. 2004. Т. 130.
42. Solmaz T. 'Hybrid Warfare': One Term, Many Meanings // Small Wars Journal: [сайт]. [2022]. [Электронный ресурс]. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-warfare-one-term-many-meanings> (дата обращения: 05.04.2022).